

Органъ русскаго студенческаго христіанскаго Движенія

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЕЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВѢРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢРУЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЕЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.

Оправданіе знанія.

О каждомъ изъ насъ говорится въ притчѣ о талантахъ. И нужно сознаться, есть что-то роковое и притягательное въ соблазнахъ лукаваго и лѣниваго раба. Трудень и тѣсень путь христіанской жизни, всегда есть склонность облегчить, упростить его для себя. Такъ рождается ложное и уклончивое смиреніе, смиреніе отъ малодушія и испуга. Въ существѣ своемъ оно есть не что иное, какъ дерзость. Ибо развѣ не дерзость помышлять въ сердцѣ своемъ, будто Господь требуетъ отъ насъ чего-то лишняго, безъ чего и можно, и лучше обойтись? Развѣ не дерзость укрываться отъ Божія зова въ своей немощи и безсиліи? Отъ такого мнимаго, пугливаго смиренія часто еще труднѣе освободиться, чѣмъ отъ прямой дерзости. Приходится бдительно испы-

тывать самихъ себя, слѣдить за собою, чтобы въ самомъ отреченіи и смиреніи найти праведную и четкую мѣру.

Есть соблазнъ опрошенія. Въ послѣднемъ счетѣ онъ сводится къ воздержанію отъ теорческаго участія въ тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ областяхъ жизни. Для такого воздержанія бываютъ разныя основанія, — иногда отрицаніе возможности воцерковленія и освященія опредѣленныхъ сторонъ жизни, иногда признаніе ихъ безразличія или ихъ естественной, непреображенной правды. Всѣ эти мотивы перекрещиваются другъ съ другомъ. Практически аскетическая брезгливость или подозрительность обращивается своеобразнымъ попустительствомъ, пагосомъ обмірщенія. Особо обожденіе нѣкоторыхъ областей жизни отъ обя-

зательства полного и преискренняго воцерковленія въ послѣднемъ счетѣ равнозначно изъятію ихъ изъ подъ религіознаго испытанія и наблюденія, оставленію ихъ на свободѣ и произволь непреображенныхъ, неосвященныхъ природныхъ силъ. Въ дѣйствительности это есть замолчанный отказъ отъ освященія и преображенія міра. Это не значитъ, что неправеденъ аскетическій путь, путь отреченія отъ міра. Но есть аскетизмъ праведный и есть аскетизмъ неправедный. Истинный, подлинный христіанскій аскетизмъ мужественъ, не есть бѣгство или отказъ отъ міра, не есть забвеніе о немъ. Праведный аскетизмъ — это наступленіе на міръ, ради обновленія и возстановленія той благословенной правды, которая есть во всей твари, созданной Божественной любовью и помазанной Божиимъ благоволеніемъ. Истинный аскетизмъ есть не только борьба съ міромъ, но и борьба за міръ, — съ тѣмъ, чтобы ничто въ мірѣ не осталось непреображеннымъ, не возвращеннымъ ко Христу, къ Отцу Небесному. И вдохновляется такой подлинный аскетизмъ именно любовью ко всей твари. Въ немъ нѣтъ мѣста для безгливости и гнушенія. Гнушеніе міромъ есть языческій соблазнъ, питаемый какимъ то страннымъ дерзкимъ малодушіемъ. Часто онъ вспыхиваетъ бессознательно, и прикрывается благочестивыми оправданіями. И тѣмъ болѣе нужно обнажать, разоблачать его.

Соблазнъ опрощенія, какъ и всѣ соблазны, многообразенъ; въ разныя времена онъ раскрывается по разному. Но съ особенною остротою, кажется, открывается онъ въ области мысли, въ области разума. Здѣсь онъ особенно хитро и двусмысленно маскируется и прикрывается. Въ наши дни именно въ этой области онъ оживаетъ съ новою силой, и порождаетъ множество недоразумѣній, которыя не такъ то легко и просто разсѣять.

Въ своей книгѣ «объ ересяхъ вкратцѣ» преп. Іоаннъ Дамаскинъ среди лжеученій называетъ между прочими *ересь гносимаховъ*. Гносимахи, это — враги знанія, «борющіеся со знаніемъ». По русски ихъ можно назвать стариннымъ рѣзкимъ, но выразительнымъ именемъ *невѣгласовъ*. Невѣгласы, это — невѣжды и простецы, гордые и самодовольные своимъ невѣдніемъ и невѣжествомъ, и не только не стремящіеся его духовно перерости, но съ упрямымъ подозрѣніемъ отвергающіе самую надобность и допустимость знанія. По характеристикѣ Дамаскина, «они отвергаютъ необходимость для христіанства всякаго знанія. Они говорятъ, что напрасное дѣло дѣлають тѣ, кто ищетъ какихъ либо знаній въ божественныхъ писаніяхъ, ибо Богъ не требуетъ отъ христіанина ничего, кромѣ добрыхъ дѣлъ. Итакъ, хорошо, чтобы всякій жилъ возможно проще и не заботился ни о какомъ догматѣ, относящемся къ знанію»... Объ этихъ древнихъ гносимахахъ мы не знаемъ никакихъ историческихъ подробностей.

Рѣчь идетъ не о какомъ то опредѣленномъ и органическомъ историческомъ движеніи, не о замкнутой сектѣ, но о типическомъ и повторяющемся соблазнѣ религіознаго самоопредѣленія. На первый взглядъ для многихъ даже не видно и не понятно, *что* въ этомъ отверженіи знанія еретическаго, обманнаго, лживаго. Не въ такихъ ли и подобныхъ сужденіяхъ такъ часто многіе изъ насъ искренно думаютъ исповѣдывать свое благочестіе и благоговѣніе, свое смиреніе и воздержаніе отъ суетныхъ мудрованій, отъ напрасныхъ и препрѣтельныхъ словесъ... Развѣ не въ простотѣ, не въ «нищетѣ духовной» правый путь, путь блаженствъ евангельскихъ? Развѣ «буйствомъ проповѣди» не посрамлена и не отмѣнена «мудрость міра»? И не говорилъ ли еще Тертуллианъ, что «нѣтъ намъ нужды въ любознательности послѣ Христа Іисуса

и въ изслѣдованіи послѣ Евангелія». Ибо вѣрою прекращается исканіе. И для многихъ изъ насъ кажется и покажется неожиданнымъ и страннымъ, что именно вѣра и благочестіе утверждаютъ *необходимость знанія* и налагаютъ на каждого *долгъ познавать*. Въ лучшемъ случаѣ мы склоняемся видѣть въ познаніи нѣчто сверхдолжное, допустимое, но небезопасное излишество, роскошь для немногихъ, для любителей. И рѣдко кто понимаетъ, что долгъ познанія входитъ необходимымъ слагаемымъ въ составъ всеобщаго и всеобязательнаго христіанскаго послушанія.

Съ древнихъ поръ и до нашего времени знаніе приходится защищать отъ подозрѣній. Для этихъ подозрѣній есть видимыя основанія. Несомнѣнно, что область знанія полна трудностей и соблазновъ, что въ самомъ познавательномъ процессѣ есть всегда внутренняя опасность извращенія, самонадѣянности, горделиваго самопревозношенія. Правда и то, что исторически «знаніе» слишкомъ часто оборачивается противъ вѣры и благочестія, ведетъ на вѣру наступленіе и походъ. Но въ этомъ сказывается только общая діалектика и лукавство грѣха, проникающаго во всѣ области человѣческаго существованія и жизни. Мысль часто согрѣшаетъ, но можно ли сказать, что самая мысль грѣховна? Допустимо ли снимать съ разума долгъ воцерковленія и лишать мысль права на освященіе? Въ подозрительности къ разуму бессознательно оживаетъ въ тонкомъ видѣ древняя аполлинаріева ересь. Аполлинарій Лаодикійскій полагалъ, что мысль человѣческая необходимо согрѣшаетъ и «невозможно, чтобы не было грѣха въ помысленіяхъ человѣческихъ», и потому отрицалъ во Христѣ Богочеловѣкъ наличность человѣческаго ума. Въ борьбѣ съ Аполлинаріемъ великіе отцы IV-го вѣка съ полной ясностью обличили заблужденіе и погрѣшность аполлинаріевыхъ муд-

рованій. Разумъ, «владычественное въ насъ», въ составѣ цѣлостной и полной человѣческой природы былъ воспринять Воплотившимся Словомъ, и чрезъ это уврачеванъ, исцѣленъ. Для разума не только открылся, но и сталъ необходимымъ, обязательнымъ путь освященія или, какъ предпочитали говорить древніе отцы, «обоженія», путь полного и преискренняго сообразованія со Христомъ, съ «умомъ Христовымъ». Познаніе отнынѣ входитъ въ составъ религіознаго дѣланія, въ составъ христіанскаго самоосуществленія каждого человѣка, каждого вѣрующаго, — познаніе Бога въ Его откровеніи, въ дѣлахъ Его, познаніе всего существующаго, какъ дѣла рукъ Божіихъ, Его премудрости и любви. Никто не смѣетъ снять съ себя этой задачи и призванія; уклоненіе отъ нея есть неправедное самоущербленіе, нарушающее цѣльность человѣческаго существа. Исторія святоотеческой мысли есть яркое свидѣтельство и примѣръ того, какъ освящался и воцерковлялся разумъ, какъ истина Христовой вѣры раскрывалась именно какъ «свѣтъ разума», какъ разумъ истины и истина разума. Истины вѣры превышаютъ мѣру естественнаго разума и недовѣдомы въ своей послѣдней полнотѣ. Но это скорѣе таинство, нежели тайна, — таинство высочайшей премудрости и разума, озаряющее и освѣщающее безконечнымъ вѣдѣніемъ и смысломъ тварную мысль. Въ отеческомъ любомудріи, т. е. въ благодатной философіи, «апостольское проповѣданіе» раскрывалось именно какъ «свѣтъ въ просвѣщеніе языкое», какъ высшій смыслъ и вѣдѣніе. Было бы неправедной погрѣшностью преувеличивать педагогическій мотивъ святоотеческаго учительства. Иногда говорятъ, что философствовали святые отцы по нуждѣ, для отраженія ложныхъ человѣческихъ мудрованій; они только приспособлялись къ неизбывной слабости безпокойной мысли

и облакали истины вѣры въ умозрительную ризу. Въ такомъ сужденіи нѣтъ не только правды, но и правдоподобія. Святые отцы потому и боролись съ крѣо-мыслиемъ, что для мысли есть правая мѣра, и мѣра не молчанія и умиранія, но мѣра исповѣданія и обновленія откровеннымъ свѣтомъ. Не коскою памятью, но творческимъ воспріятіемъ должна усваиваться откровенная истина, какъ заеаска дѣйствительнаго преображенія взыскающаго Истину человѣческаго ума. Для великихъ учителей древней Церкви умозрительное Богопознаніе было образомъ благочестія, образомъ Богопочтенія и Богослуженія, — и въ этомъ на всѣ времена установлена непреложная мѣра и мѣрило. Не случайно, что печатью яркаго богослосекаго ума запечатлѣно все церковное богослуженіе, что древнія молитвословія непрестанно пробуждаютъ именно и мысль, призываютъ и ее къ хвалительному созерцанію. Творенія великихъ подвижниковъ и аскетовъ православнаго Востока пронизаны изнутри паѳосомъ умозрѣнія и познанія, — и очищеніе ума есть одна изъ послѣднихъ и высшихъ задачъ подвижническаго дѣла. Очищеніе, но никогда не отсѣченіе; преображеніе, но никогда не пренебреженіе... «Можно ли равнодушно видѣть многихъ изъ чадъ вѣры, живущихъ въ такомъ невѣдѣніи о томъ, во что они вѣруютъ, что имъ точно можно сказать сказанное Самарянамъ: *вы кланяетесь, Его же не вѣстете* (Іоан. IV. 22)», — такъ спрашивалъ въ одной изъ проповѣдей своихъ приснопамятный Филаретъ Московскій. И въ другомъ словѣ поучаетъ: «Если и напротивъ скажутъ тебѣ, что стремленіе къ совершенству есть мечтательство, что любовь къ мудрости есть дерзкое мудрованіе, что размышленіе о вѣрѣ, поученіе въ законѣ Божіемъ, чтеніе слова Божія, имъ ненужно или опасно: вслушайтесь внимательно, походитъ ли сіе на гласъ Ангельскій, на ученіе

духовное, на проповѣдь небесную? Сличите съ нимъ истинный и чистый гласъ Пророческій: *блаженъ мужъ, его же воля въ законъ Господни, и въ законъ Его поучится день и ноцъ* (Пс. 7. 2). Сличите съ симъ ученіе Божественнаго Учителя: *испытайте писанія* (Іо. V. 39). Сличите съ симъ проповѣдь Апостала: *слово Христово да вселится въ васъ богато во всякой премудрости учаще и вразумляюще себѣ самѣхъ* (Кол. III. 16). Сличите съ симъ примѣръ Маріи: никто не запретилъ юной Дѣвѣ Израилевой читать книгу Исаи Пророка и надъ нею размышлять о Еммануилѣ... Ибо христіанство не есть гордость или невѣжество, но Божія мудрость; и удаляясь отъ мудрости, куда приближается чело-вѣчество? Развѣ къ безсловесной при-родѣ?»

Конечно, путь христіанскаго вѣдѣнія есть путь смиренія, и начинается самоиспытаніемъ, познавательной аскезой. Но сознаніе немощи и ограниченности естественныхъ познавательныхъ силъ не должно перерождаться въ мнительность, подозрительность и испугъ. Смиреніе закаляется и укрѣпляется вѣрующей надеждой. Въ пугливой мнительности нѣтъ духовной твердости. Напротивъ, за нею скрывается загнанная вглубь болѣзнь, какъ бы «разумъ» не испугнулъ вѣры, не разложилъ непосредственной цѣльности души. Это своего рода бѣгство въ невѣдѣніе, и бѣгство по маловѣрію. Подлинная вѣра не смущается и не боится; она полна дерзновенія въ своемъ смиреніи, ибо полна надежды. И «изслѣдованіе» не становится излишнимъ отъ вѣры, не отмѣняется «увѣренностью въ невидимомъ какъ въ видимомъ». Разумъ призванъ къ возрастанію, къ дѣланію, а не ко сну и смерти. Познавательное опрощеніе тѣмъ болѣе опасно, что разумъ и мысль не могутъ заснуть и смолкнуть. Самая подозрительность къ мысли есть уже размышленіе. И уклоненіе отъ пря-

мого и откровеннаго познавательнаго дѣланія, въ дѣйствительности, оборачивается не чѣмъ инымъ, какъ распущенностью и безпризорностью мысли, произволомъ и обміршеніемъ. Нельзя каждому въ равной мѣрѣ вмѣнять долгъ богословскаго раздумья, и никогда не слѣдуетъ забывать о трезвеніи и бдѣніи ума. Но опрощеніе не есть простота, и подлинная простота ума пріобрѣтается въ великомъ умномъ подвигѣ, а не дается отъ рожденія сразу. И есть что-то въ полномъ смыслѣ противоестественное, когда люди, живущіе умственной жизнью и даже избирающіе ее себѣ въ удѣлъ, только на богословіе налагаютъ лукаво-смиранный запретъ. Въ дѣйствительности богословствуютъ и они, и богословствуютъ часто криво и по произволу, совершая безлечный и безотвѣтственный разборъ въ священной сокровищницѣ преданія и вѣры. Какъ часто встрѣчаются въ средѣ такихъ «гносимаховъ» прикрытыя и неопознанныя заблужденія и лжеученія, по одной прикровенности своей никогда не преодоливаемые и не изживаемыя... Какая смута понятій открывается въ современномъ сознаніи, нисколько не умирямая внѣшнимъ держаніемъ за христіанскія формы... Въ суровые судные часы общественной жизни это немощное невѣгласіе сказывается въ тяжелыхъ потрясеніяхъ и соблазнахъ. Много примѣровъ приводитъ не приходится. Достаточно напомнить немногое. Какъ часто по произволу зачеркивается чуть ли не вся ветхозавѣтная исторія, какъ нѣчто несущественное въ дѣлѣ спасенія, и этимъ незамѣтно искажается весь смыслъ Божественнаго домостроительства. Какъ смутно представляется самый Богочеловѣческій ликъ Сына Божія, ставшаго Сыномъ человѣческимъ, и весь смыслъ Его дѣла сводится къ нравственной проповѣди... Какъ мало переживается тайна Церкви и жизнь таинствъ... Какъ беспомощно кружится мысль вокругъ

вопросовъ о злѣ, о загробной жизни... На всѣ эти вопросы не можетъ не отвѣчать себѣ человекъ, и подъ предлогомъ благоговѣнія отѣчаетъ на нихъ вкривь и вкось, дѣйствительно, волнуясь всякимъ вѣтромъ ученія. И еще хуже, если отъ испуга онъ дѣйствительно уклоняется отъ этихъ вопросовъ, погружается въ безразличный сонъ. Какъ многіе близки къ бессознательному адогматизму въ вѣрѣ, къ догадкѣ, что въ благочестіи самые догматы не нужны и суть ни что иное, какъ напоминаніе о тайнѣ для острастки. Въ итогъ слагается какое то мозаическое міровоззрѣніе, облекаемое мертвенными бытовыми формами и совершенно лишенное животворящаго церковнаго духа. На защиту этого мнимаго христіанскаго міровоззрѣнія такъ часто встаютъ даже съ изувѣрскимъ реніемъ. Сокровищница Откровенія, Священное Писаніе и Священное Преданіе, изъ ложной осторожности замыкается, и мысль питается случайными впечатлѣніями, бродячими мыслями и произвольными догадками.

Нужно прямо и твердо сказать о призваніи нашего времени къ богословію. Для насъ, а не для еретиковъ писано Слово Божіе, писаны творенія отцовъ. Странное дѣло, мы не боимся свѣтской литературы, часто совсѣмъ примрачной и болевой, — и безстрашии отравляемся, — и боимся богоглаголивыхъ ученій, и удаляемся отъ нихъ — въ заблужденіе. Ученіе вѣры дано намъ не только для защиты, но и для возрастанія, не только для сохраненія, но и для того, чтобы мы жили и дышали имъ. Мы стали возвращаться въ Церковь. — Возвращаться приходится всѣмъ, и родившимся, и живущимъ въ Церкви, ибо большей частью нашего существованія мы все еще внѣ Церкви. Въ этомъ возвращеніи должна участвовать и мысль. Это нужно для полноты и твердости нашего воцерковленія. Это нужно еще и потому, что таковы

потребности нашего времени. Лжеименное знаніе, заболѣвшая мысль воздегаетъ запинаніе на прагду вѣры. Русская душа осаждена невѣріемъ во имя мнимой мудрости. И снять эту осаду мы сможемъ только тогда, когда возмужаемъ въ мудрости истинной и, съ помощью Божіей, сумѣемъ показать все богатство сокровенной премудрости Христовой, просвѣщающей и озаряющей еесь составъ человѣческой. Богъ владетъ только смѣлыми, дерзающими во имя Его,

съ надеждою на бышнее заступленіе. Испытаніе сомнѣніемъ и невѣріемъ разрѣшится только въ творческомъ исповѣданіи истины и правды. И да обновится путь благовѣствующихъ вѣдѣніе Христово. Да избавимся отъ всякаго невѣдѣнія, забвенія, малодушія и окаменѣннаго нечувствія, чтобы придти въ разумъ неизреченной Божіей славы...

Георгій В. Флоровскій.

1928. V. 29. VI. 12.

Проповѣданная тайна.

Животворящее Христово Тайнство есть твореніе жизни; имъ возвращается міръ сотворенный къ Творцу.

Все сотворенное Словою Божіимъ — Христомъ, во Христа возвращается, подъ видомъ хлѣба и вина на Престолѣ Божіемъ. Опять твореніе въ Творцѣ. Пречистыя Тайны есть самое существо воскресенія челоука.

Возвращаясь въ Слово создавшее его, міръ, уже, нынѣ, возвращается въ Слово воплощенное. Плоть Адама — Христа есть нозый міръ, на который переводитъ Богъ міръ ветхій. Господь мѣняетъ плоть міра, переводитъ твореніе съ одной плоти на другую, какъ Стрѣлочникъ. Міръ не замѣчаетъ, что ему уже дано движеніе по другому пути, чѣмъ онъ шель до Христа, и — по зрѣнію ветхихъ глазъ — какъ будто, идетъ сейчасъ.

Господь не можетъ не плакать надъ міромъ, какъ надъ Іерусалимомъ, отвергающимъ Его. — *Іерусалимъ, Іерусалимъ избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ Тебѣ! Сколько разъ хотѣлъ Я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ*

подъ крылья, и вы не захотѣли! Се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ.

И видимый міръ — по Словоу Бога — есть, нынѣ, пустота. Онъ зияетъ пустотою своею во всѣхъ своихъ предметахъ. Пустоту не живущаго въ Богѣ міра чувствуетъ всякое неложное челоуческое сердце. Пустота — въ упраздненномъ мірѣ. Въ пустомъ домѣ живемъ мы, и всѣ блещущія цѣнности его суть наши злыя фантазіи, до конца изобличаемыя каждою нашею челоуческою смертью.

Міръ не захотѣлъ, искупительнымъ подвигомъ правды, уничтожиться, передъ собой, до пустоты. Творецъ Самъ, предъ лицомъ міра, уничтожилъ міръ, всѣ цѣнности его. Но міръ — продолжающимся злымъ самовластьемъ — ослѣпилъ себя, чтобы не видѣть своего ничтожества, и, лишь чрезъ это преступленіе — равное распятію Божьяго образа — міръ можетъ видѣть себя зрячимъ.

Господь перечеркнулъ міръ крестомъ. Міръ этого не видитъ. Великое ему горе. Новое Небо и Новая Земля, нынѣ, въ дѣйствиіи.